

В. Корчемный

Человек с геранием

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Корчемный**
Человек с геранием / В. Корчемный – М.: Книга по Требованию, 2016. –
212 с.

ISBN 978-5-519-19136-4

Репринтное издание по технологии print-on-demand.

ISBN 978-5-519-19136-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

Онъ равнодушно пожималъ плечами, нижняя губа его вздрагивала брезгливо. Въ свѣтлыхъ глазахъ все глубже, все острѣе разгоралось пламя новаго ликованія. Рука, сжимавшая бѣлую палку, высоко приподымалась, онъ фехтовалъ разбѣренно... — и вдругъ сокрушалъ невидимаго врага тяжелыми ударами.

А потомъ, опять — бодро, *браво* — шагаль по тротуару, весело и ядовито озираясь по сторонамъ, опять съ внезапной рѣшимостью пересѣкалъ переулокъ и подходилъ къ другому дому. И снова властно стучался.

И однажды, передъ самымъ заходомъ солнца, онъ постучался къ Вѣрунѣ. Это было на четвертый или на пятый день послѣ его перваго появленія въ Ирринскомъ переулкѣ.

Она слыхала о немъ отъ сосѣдей, видѣла его изъ окна, когда онъ съ особымъ стараніемъ размахивалъ своей палкой, и подумала, что хорошо-бы приласкать несчастнаго. «Можетъ быть, — промелькнуло тогда въ ея мысляхъ, — надо сейчасъ-же отдать ему бабушкины коралловые сережки, до сихъ поръ уцѣлѣвшія...» Въ эти дни, когда весенняя молодость Вѣруни, день за днемъ, мѣсяць за мѣсяцемъ, не только безропотно, невозмущенно, но и какъ-то легко, почти радостно протекала въ неослабной борьбѣ съ голодомъ, холодомъ, съ грязью, съ тяжестью непосильныхъ ношъ (ибо она таскала на себѣ пудовые мѣшки) и со всей этой всегдашней убылью, роковой гибелью и разрушеніемъ всего нужнаго, желаннаго, всего любимаго въ жизни, — въ эти жестокіе дни въ душѣ ея проснулась потребность въ милосердіи... На стукъ она открыла сама. И когда онъ, устремивъ на нее блуждающій, шалый огонь своихъ свѣтлыхъ глазъ, подозрительныхъ и хохочущихъ, произнесъ свое обычное:

— Нѣтъ ли у васъ свѣтлаго угла для одинока-

го? Я — одинъ! Я... — она сказала, не давъ ему договорить, раскраснѣвшись и торопливо:

— Войдите, пожалуйста! Да... Прошу васъ...

Онъ слегка помахалъ дубинкой и отвѣтилъ, понижая голосъ, но коротко и строго:

— Пройдите впередъ!

Она провела его на кухню... Онъ шелъ за ней, постукивая по полу дубинкой и вполголоса напѣвая, въ тактъ своимъ шагамъ, на военный ладъ:

«Трамсъ! Тарарамсъ-тамсъ-тамсъ!
Тарарамсъ-тамсъ-тамсъ!»

Огромная старинная кухня была единственной комнатою, оставленной латышами (они занимали весь домъ) въ распоряженіи Вѣруни, — кромѣ той каморки, въ сѣняхъ, въ которой она спала. А отецъ и мать, оба больные, беспомощные, безвыходно жили въ верхнемъ этажѣ дома, въ небольшой комнатѣ безслѣдно пропавшаго сына-студента, Николая... Николай пропалъ послѣ митинга «для интеллигенціи», устроеннаго мѣстнымъ районнымъ комитетомъ коммунистической партіи. Высокопоставленный ораторъ, пріѣхавшій изъ Кремля, тщедушный человѣкъ съ жиденькой черной бородкой, въ пенснэ, энергично отчеканивая слова и могуче потрясая въ воздухѣ хилымъ кулакомъ, говорилъ: — «Когда мы сдѣлаемъ наше пролетарское дѣло, когда мы ввѣдримъ въ пролетаріатъ опредѣленное классовое самосознаніе, когда мы окончательно заложимъ социальныя первоосновы пролетарскаго государства, — тогда мы позволимъ всѣмъ вамъ, студентамъ, учителямъ, профессорамъ, адвокатамъ, болтать и писать, сколько вамъ влѣзетъ и гдѣ и какъ хотите. А пока, мы говоримъ вамъ: — «Щыцъ!» — «Щыцъ!» — тотчасъ-же отозвалось въ залѣ. — Кто сказалъ? — строго спросилъ ораторъ, поправляя на носу пенснэ. — Я сказалъ! — крикнулъ Николай,

поднимая руку. По залу забѣгали латыши, съ винтовками. При выходѣ его схватили... Онъ исчезъ безслѣдно... Вѣруня перебралась въ чуланчикъ, за кухней.

II.

«Трамсъ! Тарарамсъ-тамсъ-тамсъ!»

«Тарарамсъ-тамсъ-тамсъ!» — бормоталъ этотъ человѣкъ, остановившись посреди кухни, медленно снимая шляпу и перчатки, но не выпуская изъ рукъ ни дубинки, ни геранія. А Вѣруня говорила ему, — какъ всегда, когда бывала смущена, — конфузливо и растерянно прикасаясь руками къ вискамъ, къ прическѣ:

— Садитесь, пожалуйста! Прошу васъ...

Онъ отрицательно покачивалъ головой и выслѣживалъ каждое движеніе Вѣруни не-моргающими глазами; а въ нихъ лихо метались искры: «Посмотримъ, какъ это вы теперь... посмотримъ!»

Она поставила на столъ кружку съ кипяткомъ, слегка окрашеннымъ шепоткой морковнаго чая, и двѣ лепешки изъ картофельныхъ отрубей (хлѣба не было).

— Ну, согрѣйтесь!

А на дворѣ не было холодно. Но она не знала, какъ сказать, стыдась изъ-за лепешекъ.

Онъ бережно опустилъ на столъ свой гераній, прихлопнулъ рукой по горшку и сдѣлалъ ея такой жестъ, какъ будто-бы хотѣлъ сказать: «Вотъ тебѣ, дружище, и мѣсто!» А затѣмъ, положивъ дубинку на столъ, обвелъ глазами комнату...

— Вотъ здѣсь! — сказала Вѣруня, кивкомъ головы указывая на небольшой образокъ Богоматери, висѣвшій въ углу.

Онъ подошелъ къ углу, сдвинулъ каблучки по-военному, выпрямилъ плечи и — такъ-же, какъ шагаль — *bravo*, отчетливо, точно рапортуя по формѣ Высшему Начальству, произнесъ краткую молитву, начинающуюся словами. «Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ . » Послѣ этого онъ перенесъ свой гераній въ уголь, подѣ образокъ. А потомъ, присѣвъ къ столу, сталъ медленно отхлебывать изъ кружки... Вѣруня невольно потупляла глаза подѣ его взглядомъ...

— Сколько лѣтъ ?

Она сказала.

— Звать какъ ?

Она отвѣтила.

— Родные гдѣ ?

Она пояснила.

— Богу молишься ?

— Да.

— А при царѣ что дѣлала ?

— Училась въ гимназiи.

— А конфетки любишь ?

— Очень люблю.

— Ну, а какъ ихъ не стало ?!

— Я тогда подумала: «Господи, какъ-же это теперь безъ конфетъ-то будетъ ?!» А потомъ привыкла.

— Цвѣты любишь ?

— Люблю.

— Дай пить моей герани !

Она едва не сказала . — «Да вѣдь она засохла, умерла !» — но во-время раздумала.

Онъ слѣдилъ за ней взглядомъ , въ которомъ медленно угасало безумие, пока она поливала и поила мертвый цвѣтокъ. На глаза его набѣгали слезы. Она подошла къ нему, положила руку на его рукавъ и сказала :

— Не плачьте! Вамъ бы лишь подкормиться...

Но онъ отказался отъ второй кружки и съѣлъ одну лепешку. Отстранивъ руку Вѣруни, онъ снова подошелъ къ углу, подъ образокъ, и — такъ-же, какъ въ первый разъ — повышеннымъ голосомъ произнесъ другую краткую молитву, коей начало: «Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ...»

Потомъ, плечи его поникли, голова опустилась къ груди. Онъ молчалъ, но продолжалъ стоять лицомъ къ образку, спиной къ Вѣрунѣ. Она ждала, съ опаской поглядывая на него. Показалось ей, что плечи его стали вздрагивать и что изъ устъ его вырываются бормотанія и всхлипыванія. Внезапно, онъ выпрямился во весь свой могучій ростъ, вскинулъ голову вверхъ и закричалъ изступленнымъ, ужаснымъ крикомъ, отъ котораго Вѣруня затряслася, какъ листъ:

— Мати Христа Бога! Владычица! Заступница наша! Слышишь ли Ты меня? Милосердная Приснодѣва! Благая! Взираешь-ли Ты на эту дѣвчонку, пожалѣвшую меня и мою герань?!...

И тутъ онъ сталъ громко молиться своими словами.

Молился онъ долго, мѣняя голосъ, а порою, даже, какъ будто разговаривая не только съ Богомъ, но и съ самимъ собой и съ разными знакомыми ему людьми, которыхъ онъ называлъ по именамъ. Онъ горько усмѣхался и причиталъ, онъ всхлипывалъ и беспомощно надрывался, а то — вопилъ и грозно взывалъ, а то, иногда (и тутъ голосъ его падалъ), онъ подымался до проникновенно-тихихъ призывовъ, до покорной мольбы и — еще выше — до молчаливаго вздоха.

Да, онъ странно молился! И, — можетъ быть, — лучше бы Вѣрунѣ и не слышать его! Однако, въ тотъ вечеръ онъ заночевалъ на кухнѣ, и сталъ по-

томъ приходитъ почти ежедневно, и долгіе часы проводилъ передъ образомъ Богоматери, бесѣдуя съ Богомъ, съ совѣстью, своей и людской, и со всей вселенной, видимой и невидимой. Такъ, постепенно, и вошли въ душу Вѣруни его недоумѣнныя, отравленные и благоуханныя слова, пронзенныя бунтомъ и безудержнымъ чаяніемъ вѣры.

И еще нѣкто Никудимовъ, мало извѣстный писатель, среднихъ лѣтъ, — въ тѣ дни часто навѣщавшій Вѣруню, — сидя въ ея чуланчикѣ подлѣ сѣней, а то и въ самой кухнѣ, подолгу слушалъ эти молитвы и вопли... Долженъ-ли я за него признаться? Онъ слушалъ — и подчасъ записывалъ на бумагѣ. Не сомнѣваюсь, что при этомъ онъ переживалъ большую тревогу, — не совершаетъ-ли онъ преступленіе?! Не должно-ли писательское любопытство разоружиться хотя-бы передъ величайшимъ человѣческимъ горемъ?

Но если-бы Никудимовъ, задавшись такимъ вопросомъ, отвѣтилъ на него утвердительно, то ему нечего было-бы дѣлать въ этомъ мірѣ. Потому-то и потянуло его, въ 1918-мъ году, въ Москвѣ, къ молитвамъ и воплямъ человѣка, пришедшаго изъ мрака улицы.

III.

Онъ былъ безумный.

Звали его, вѣроятно — 'Дюковымъ, Андреемъ Трофимычемъ. Такъ онъ называлъ себя, говоря о самомъ себѣ, въ своихъ молитвахъ. Родомъ онъ былъ (или жилъ тамъ долго) изъ какого-то большого приволжскаго города. Онъ называлъ многіе города, и нельзя было понять, гдѣ для него мѣсто неотразимѣйшей боли и радости. Гдѣ-то — тамъ... по большому раздолью... Тверь... Симбирскъ... Самара...

Астрахань! Тамъ у него была жена и двѣ дѣвочки; одна — барышня въ возрастѣ, другая — маленькая, помоложе Вѣруни, любимая. Давно-ли это было?! Октябрьскія событія застали его въ чинѣ полковника, на фронтѣ. А незадолго передъ этими событіями, онъ уволилъ въ отпускъ своего деньщика — и земляка, къ тому-же — Никиту городского. Отпустилъ онъ Никиту, но, отпуская, строго на-стро-го приказалъ — привезти на фронтъ домашній гераній, посаженный его младшей дѣвочкой и о которомъ она писала отцу въ письмѣ. Какая мысль?! Такъ оно, однако, было... Быть-можетъ, ему захотѣлось тогда... зажечь этимъ цвѣткомъ сѣрья потемки революціоннаго фронта? Или хотя-бы освѣтить его милой лаской уголь халупы, въ которой онъ жилъ — гдѣ-то среди Пинскихъ болотъ? Никита пропадалъ больше мѣсяца и возвратился въ самую тогдашнюю заворожку, октябрьскую. Гераній, однако, онъ привезъ, и даже, войдя въ халупу вполне вѣжливо, вы-являя полное чинопочитаніе и благодарность за отпускъ, вручилъ цвѣтокъ въ собственныя руки полковника. Поздравилъ полковникъ Никиту съ вѣр-ной и молодецкой службой и умолчалъ насчетъ опозданія изъ отпуска. Такъ оно, тогда, было... Но въ тотъ-же день, къ вечеру, Никита самовольно отлучился «съ ребятами» въ ближайшее *мѣстечко*, пропадалъ двое сутокъ, а на третьи — ваявился, пья-ный отъ самогона. А у полковника, надъ койкой, висѣлъ фотографическій снимокъ съ молодой его жены и съ него самого, — снимокъ, сдѣланный въ тѣ далекіе дни, когда онъ и жена совершали свое брачное путешествіе въ Италію. Снимокъ — преми-льный, взятый среди красотъ природы, на берегу мо-ря! Стоитъ она, красавица его, молодая, ненагляд-ная, въ пышномъ платьѣ и съ раскрытымъ зонти-комъ на плечѣ, и рѣзвой ножкой къ волнамъ мор-скимъ прикасается; онъ же, самъ — во фланеле-

вомъ костюмѣ и съ сигарой въ рукѣ. Вся же фотографія изображаетъ счастливѣйшую минуту въ жизни полковника. . Вваливается Никита въ халуцу, присѣлъ на табуреточку, не спросясь, — закурилъ. А затѣмъ, взглянувши на эту фотографію, давно ему знакомую, заговорилъ такія слова:

— Давно я, *Андрей Трофимычъ*, собирался разспросить васъ, — какъ это вы подъ заграничными лазурями ходили? Тоже, небось, конверты съ бытіями въ нихъ денегъ изъ Россіи получали? А между прочимъ, трудовой народъ, безусловно, который пролетаріатъ, тѣмъ самымъ временемъ скрипѣлъ отъ боли ужасной.... А я, къ слову должонъ вамъ сказать, избранъ отъ товарищей предсѣдателемъ полкового комитета, который теперь дѣйствуетъ своимъ судомъ, потому-что изъ себя выдѣлилъ, по распоряженію совѣта народныхъ комиссаровъ. И хотя я отъ васъ ни злобы лютой, ни, должонъ сказать, вопче большихъ неудовольствій не получалъ, но барынька ваша къ моей личности зонтикомъ прикоснулась, это вамъ извѣстно. Съ позволенья сказать, тоже и дѣвчонка ваша, младшая, отъ которой эта герань... — прошу васъ, примѣчайте, Андрей Трофимычъ, какъ дѣйствуетъ моя злоба, потому-что я справедливъ... — о *ней* скажу я, изъ-за моего отпуска, что ей отъ меня не сдобровать, ежели я до ней обратно доберусь. «Какъ ты смѣешь!», да все еще «какъ ты смѣешь!», и опять-же «не смѣй!». Зачѣмъ это? Зачѣмъ моя боль была при старомъ режимѣ и теперь еще продолжается задаромъ? Которыя слова меня раздражаютъ, я могу до поры, до времени терпѣть! Но зачѣмъ я теперь задаромъ *въ дуракахъ* побывалъ у обѣихъ вашихъ барышень, а пуще всѣхъ, у младшей вашей дѣвчонки? Прощу васъ, *все* примѣчайте, — потому-что вы должны явиться по первому зову...

Такъ говоритъ Никита.

И вскорѣ надъ полковникомъ учинили судъ. Онъ былъ приговоренъ къ разстрѣлу *на мсть*, — такъ сказано было въ приговорѣ. Среди многихъ прочихъ обвиненій, говорилось также о томъ, что *свои́й деньщикъ, Никита, черезъ всю Расаю на своихъ рукахъ таскалъ этотъ ненужный цвѣтокъ, для одного ради измывательства надъ трудовымъ народомъ...* Однако, его не убили. Никита, трезвый, въ послѣднюю минуту повалился въ ноги своимъ товарищамъ и, крупно вздрагивая всѣмъ тѣломъ, какъ отъ холода, невнятно бормоталъ о томъ, что надо-бы помиловать. И полковникъ былъ помилованъ. Но предварительно его жестоко избили. Жестоко и безпощадно. Били по головѣ и подъ сердце. Онъ потерялъ сознаніе...

Когда онъ очнулся, Никита, снова пьяный, страшный, соваль ему въ руки гераній и кричалъ:

— Послушай! Я тебя помиловалъ! Вотъ же тебѣ, возьми! Слушай... возьми эту герань! Подавись ею, иначе съ ней не разлукайся! Слышишь ты меня, аль нѣтъ... До гробовой доски таскать тебѣ ее — не перетаскать по Россіи! И дѣвчонкѣ своей скажи, что я тебя помиловалъ изъ-за этой герани...

И вотъ тогда-то, придя въ себя и разобравшись въ происшедшемъ, Андрей Трофимычъ почувствовалъ, что все *прояснѣло* въ его сознаніи... Эти послѣдніе дни, когда надъ арміей висѣла ядовитая желтая мгла, когда воля и совѣсть отчаянно металась изъ стороны въ сторону, какъ птицы среди испареній болотныхъ затоновъ, эти безнадежные дни, безъ объяснимаго начала и съ затаеннымъ страшнымъ концомъ, вдругъ озарились свѣтомъ непреступимыхъ алмазныхъ граней, гдѣ правда его, правда Андрея Трофимыча, блистательно царила *надъ міромъ, надъ солнцемъ, надъ людьми!* Онъ понималъ, что жизнь незыблемо проста, — что эта хитрая, на взглядъ, механика, на самомъ дѣлѣ, управляется чи-

чтожной злобой, столь-же ничтожной и слѣпой, какъ смутная вражда червей и слюнявыхъ гадовъ, барахтающихся въ мелкой болотной дырѣ. Но какъ надъ болотомъ — звѣзда, такъ надъ звѣздой, надъ міромъ, надъ людьми, несказанный алмазь — чудотворная герань его дѣвочки, укрощающая звѣроподобныхъ людей, положившая предѣль ихъ безумію, дабы жилъ Андрей Трофимычъ для одной божественной любви, въ поискахъ вѣчнаго Его милосердія.

Никита, потомъ, сказалъ ему:

— Вотъ, я надѣну на тебя красный бантъ, на тебя и на твою герань! И никто отнынѣ не посмѣетъ къ тебѣ и пальцемъ прикоснуться. Не то, ты мнѣ живо телеграмку по военнымъ обстоятельствамъ! Примѣчай: теперь я тебѣ заступникъ!

И совсѣмъ это не чудно, что тѣ самые люди, которые судили и били его, дали ему хлѣба, селедокъ и сала, и что при разставаніи онъ со многими цѣловался! А Никита, такъ тотъ просто отъ него оторваться не могъ. Уже и поѣздъ поданъ... и пышитъ духомъ набившихся въ него людей! Сопитъ и стонетъ локомотивъ. А надъ его трубой огневья искры рвутся въ ночной мракъ, рвутся далеко! Звенятъ вездѣ винтовки, чайники Мигаютъ вдали огни желѣзной дороги. И Богъ ее знаетъ, что ждетъ впереди... Садиться и ѣхать! А Никита все не унижается. И все цѣлуетъ и цѣлуетъ!

— Поговоримъ ищю! Машинистъ, безъ нашего разрѣшенія, ничего не можетъ! Ты теперь ни въ чемъ не безпокойся! И отъ самогона отказываешься напрасно. Сколько захочешь, столько я тебѣ дамъ. На вотъ, бери ее всю! А женѣ твоей отъ меня кланяйся обязательно! И обѣимъ барышнямъ — тоже! Потому-что я справедливъ. А на Рождествѣ я тамъ буду обязательно и хочу я тебя и всю твою семью видѣть въ живыхъ-здоровыхъ. Ни въ чемъ тебѣ